

Савинов Д.Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2005. Вып. 1.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006.

Хлобыстина М.Д. Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири // Советская археология. 1973. №1.

УДК 902«637»(571.1/.5)

DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.29

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

К ВОПРОСУ О СИНТАШТИНСКОЙ ТРАДИЦИИ ПАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ЛОШАДЕЙ

В статье рассматриваются материалы Синташтинского большого грунтового могильника (СМ), расположенного на Южном Урале. Автор обращает внимание на два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, то есть наиболее полный «колесничный» комплекс. Второй вариант – размещение в верхней части могил, как правило, на перекрытии одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение в той или иной мере потревожено. Автор приходит к выводу, что эта «особенность» СМ может быть интерпретирована как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторый хронологический разрыв.

Ключевые слова: Южный Урал, эпоха бронзы, синташтинская культура, парные захоронения лошадей

Когда говорят о синташтинской культуре или памятниках синташтинского типа, прежде всего подразумевают неординарные захоронения с «колесничной» атрибутикой (следы колесниц или колес со спицами, парные захоронения целых костяков и/или черепов и костей ног лошадей, псалии и оружие), а также укрепленные поселения с кольцевой планировкой, представленные на эпонимном комплексе памятников – Синташтинском поселении и Синташтинских могильниках на Южном Урале. Наиболее выразительно «колесничная» атрибутика отражена в погребениях Синташтинского большого грунтового могильника (далее СМ). Но материалы этого памятника весьма неоднозначны и вызывают много вопросов.

Прежде всего, это два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, т.е. наиболее полный «колесничный» комплекс. Он выразительно представлен в ненарушенной могиле-30 Синташтинского большого грунтового могильника. Могила ориентирована по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы в юго-западной части располагались остатки пароконной запряжки в виде выкладки из черепов и костей ног двух лошадей, расположенных по углам ямы параллельно друг другу. Череп левой лошади располагался на боку, правой – установлен на нижней челюсти. Рядом с левым черепом обнаружена пара костяных псалиев, а также костяная пластина с отверстием и костяной диск с отверстием, по мнению исследователей, от уздечки или упряжи. Между выкладками коней располагались кости человеческого скелета в виде пакета, с юго-западной

стороны которого был уложен череп, рядом с черепом – бронзовый нож. У юго-западной стенки находились сосуд и давящие камни, связанные, как считают авторы публикации, с культом сомы. В могиле обнаружены также бронзовый наконечник копья и колчан со стрелами. В северо-восточной половине ямы зафиксированы ямки от колес со спицами [Генинг и др., 1992, с. 207–214]. Подобные захоронения есть и на других могильниках Синташтинского комплекса. Так, в нарушенном погребении 14 Синташтинского могильника С-I зафиксированы две ямки для колес, два псаля, три каменные плиты и два песта (давящие камни?), большое количество бронзового оружия и орудий [Генинг и др., 1992, с. 266–268]. Подобные захоронения представлены не только на могильниках Синташтинского комплекса. В могильнике Кривое Озеро (курган №10, могила-1) в южной половине камеры обнаружены два углубления для колес со спицами, остатки колесницы, в северной – два черепа лошадей, поставленных на нижние челюсти по углам погребальной камеры, рядом с черепами коней – по паре псалий, оружие/орудия из бронзы, каменный и костяной наконечники стрел. В соседней могиле-2 этого же кургана в южной половине найдены два черепа и кости ног лошадей, а в заполнении грабительского вкопа – щитковый псалий [Виноградов, 2003, с. 82–93].

Второй вариант – размещение в верхней части могил, как правило, на перекрытии одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение потревожено. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова считают парные захоронения целых костяков лошадей особенностью Синташтинского большого грунтового могильника, которая обусловлена смешением нескольких культурных традиций. Они отмечают, что в целом для синташтинской традиции такие жертвенники не характерны. Эти авторы, вслед за Е.Е. Кузьминой, А.А. Ткачевым и рядом других исследователей, считают, что в керамике СМ, наряду с синташтинским, присутствует «андроноидный» протофедоровский комплекс, и именно с ним связывают парные захоронения целых костяков лошадей [Зданович, Куприянова, 2010, с. 140]. С этим сложно согласиться по ряду причин.

Прежде всего, сосуд «протофедоровского» облика присутствует в погребении 30 СМ, где кости лошадей представлены в виде черепов и костей ног, а захоронения целых костяков лошадей отсутствуют.

В расположении парных захоронений целых костяков лошадей прослеживается определенная закономерность. В том случае, когда оба варианта парных захоронений коней размещаются в одной яме, целые костяки всегда занимают верхний ярус могилы, они не нарушены, в отличие от нижних погребений, которые в той или иной мере потревожены.

Например, могила-5 СМ [Генинг и др., 1992, с. 126–135, рис. 56]. Нижнее погребение сильно потревожено, однако некоторые закономерности в размещении костей и инвентаря можно проследить. В северной половине зафиксированы два углубления для колес. У южной стенки размещались остатки двух черепов и кости ног лошадей. Здесь имеются небольшие разночтения с планом могилы и ее описанием. В юго-восточном углу лежала, по плану могилы [Генинг и др., 1992, рис. 56], нижняя челюсть лошади VIII (по описанию – череп, с. 130). Рядом с ней – бронзовое шило, три кремневых наконечника стрел, две подвески из клыков кабана, костяной диск с отверстием, просверленный хвостовой позвонок лошади. В 60 см западнее – череп второго коня IX

(по описанию – нижняя челюсть, с. 130), мордой на запад. Под ним – берцовая кость. Между стенкой камеры и черепом – два костяных псалия (по плану – один, рис. 56.-3) и костяной стержень, «вероятно, от уздечки». Второй костяной псалий лежал с другой стороны черепа. Еще один псалий находился между черепом коня IX и нижней челюстью коня VIII. Четвертый псалий находился у западной стенки, несколько в стороне от нижней челюсти лошади. Рядом с этим псалием – копыто лошади, бронзовый нож, кремневый наконечник стрелы, восемь астрагалов барана. Западнее найдено скопление из 16 кремневых наконечников стрел.

На дне могилы находились, по мнению исследователей, кости не менее пяти человек (скелеты А, Б, В, Г, Д, Е), все они сильно потревожены. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые скелеты представлены единичными костями. Так, костяк Е – фрагмент черепа, В – череп, кость руки и несколько мелких костей, Д – кости ног, кости одной руки, тазовая кость. Все кости разрознены, находились в разных частях ямы, но их как бы взаимодополняющий состав невольно подводит к предположению, что это могли быть кости от одного скелета. Наибольший интерес представляет скелет Г, кости которого находились в северной половине ямы рядом с углублением для колеса. Остатки скелета лежали компактно. В отличие от других костяков, здесь были почти все кости скелета. По мнению исследователей, кости были захоронены в могиле «уже после того, как отделились от мягких тканей (нижняя челюсть лежала отдельно от черепа, крестец отделен от тазовых костей и т.д.)» [Генинг и др., 1992, с. 132]. Рядом с этим скоплением располагались бронзовый нож и 39 астрагалов барана. Кроме того, авторы публикации связывают с этим костяком находку колчана с 16 стрелами и считают, что костяк Г имеет отношение к колесничному комплексу [Генинг и др., 1992, с. 132]. Вероятно, к костяку Г следует отнести также кремневый наконечник стрелы и восемь астрагалов барана, расположенные на незначительном расстоянии от колчана. Таким образом, обряд нижнего захоронения могилы-5 аналогичен тому, который был зафиксирован в ненарушенном погребении 30 СМ: ориентация ямы по линии С–Ю с небольшим отклонением, в северной половине – два углубления для колес, в южной – черепа и кости ног пары лошадей, псалии. Кости погребенного помещены в могилу уже очищенными от мягких тканей, инвентарь – бронзовые ножи, колчан со стрелами. Не исключено, что человеческие кости, обозначенные как костяки В, Д, Е, представляли второй «пакет», который был рассеян по всей могильной яме. Следует отметить, что в могиле-30 СМ костяк погребенного в виде пакета был положен не в центре, он занимал северо-западную часть ямы, а рядом, в северо-восточной части, оставлено пустое пространство [Генинг и др., 1992, рис. 111]. Это позволяет предполагать, что в могиле 30 было оставлено место для второго погребенного.

Костяки А и Б располагались в юго-восточном углу ямы. Костяк А представлен только верхней частью скелета. Он лежал на левом боку в несколько неестественно согнутом положении с сильно отброшенными вперед руками, согнутыми в локтях. Череп отсутствовал. На грудной части ребер зафиксирован толстый слой кожи (?), сильно пропитанной окисью меди, но сами украшения отсутствовали. К северо-востоку от костяка А с той же ориентировкой головой на восток находился костяк Б, также в неестественной позе. Он располагался на левом боку, череп повернут лицом к спине, руки прижаты к груди, ноги согнуты. Авторы публикации отмечают, что уже после возведения настила и захоронения в верхнем ярусе трех пар лошадей юго-восточный угол

могилы был раскопан, перекрытие здесь разрушено и в могилу впущен костяк женщины, на груди которой был кожаный нагрудник [Генинг и др., 1992, с. 135]. Почему-то этот костяк в разделе реконструкция погребального ритуала значится уже как костяк Б [Генинг и др., 1992, с. 135]. Вероятно, это опечатка, так как из предыдущего описания и плана могилы следует, что это костяк А. Костяк Б, по мнению исследователей, был сдвинут в сторону, чтобы освободить место для костяка А [Генинг и др., 1992, с. 135]. Но расположение обоих костяков в нарушенном юго-восточном углу могилы на незначительном расстоянии друг от друга, их ориентация головой на восток, неестественное положение костей обоих скелетов заставляют предполагать, что не один, а оба костяка были впущены в могилу позже.

Уже после того, как нижнее погребение могилы-5 было нарушено, над ним возвели настил, на который положили три пары целых костяков лошадей. Два костяка находились в южной половине ямы, на левом боку, головами к южной стенке. Два других костяка – в северной половине, на левом боку, головами к северной стенке. Еще одна пара лошадей, буквально «втиснутых в оставшееся пространство», занимала северо-восточную часть ямы. Они были положены на правый бок. «При этом их ноги находились у северной стенки могилы, а головы были заломлены назад и оказались рядом друг с другом», один из черепов оказался под позвоночником. Между костями этих коней найдены два сосуда, еще один – у середины северной стенки [Генинг и др., 1992, с. 127–128, 135].

Таким образом, могильная яма 5 полноценно использовалась дважды (третий раз яма использована лишь частично – для совершения впускного перезахоронения (?) в юго-восточном углу). Во-первых, для совершения вполне самостоятельного синташтинского погребения с колесничной атрибутикой. Во-вторых, для совершения захоронений трех пар целых костяков лошадей. Между этими событиями произошло нарушение нижнего погребения, так как перекрытие и костяки лошадей оказались ненарушенными. Оно могло быть нарушено тем населением, которое устроило перекрытие и совершило захоронение трех пар лошадей. Но, возможно, это погребение оказалось потревоженным в более раннее время. Однако поскольку парные захоронения лошадей достаточно четко вписаны в пространство могильных ям, после разрушения нижних погребений, вероятно, прошло не так много времени и эти могилы были заметны на поверхности по следам вторжения. Либо над погребениями имелись какие-то надмогильные знаки.

Нельзя полностью исключать вариант, что синташтинцы СМ сами грабили свои могилы (ритуальное ограбление?), а затем над ними размещали несколько пар лошадей. Но тогда этот ритуал должен был присутствовать и на других могильниках, в том числе и на могильниках Синташтинского комплекса, однако этого нет.

На СМ парные костяки лошадей размещались над погребениями как с колесничной атрибутикой, так и без нее. Нижние погребения, как правило, нарушены. Но в некоторых погребениях следы нарушения носят не столь явный характер. Таким образом, каждая могила СМ с захоронениями целых костяков лошадей достаточно уникальна и требует отдельного рассмотрения.

Создается впечатление, что население, которое совершало захоронения коней над синташтинскими погребениями на СМ, интересовали прежде всего крупные могильные ямы, в которые они стремились поместить как можно больше пар коней. В том же

погребении 5 в северо-восточную часть буквально была втиснута третья пара, так что пришлось заломить головы коней. В погребении 2 три лошади положены в ряд, а четвертая – у них в ногах [Генинг и др., 1992, рис. 45.-1].

Закономерно возникает вопрос: кому принадлежали парные захоронения целых костяков лошадей? Находка трех сосудов синташтинского типа рядом с целыми костяками коней в могиле-5 не может служить убедительным ответом, так как эти сосуды могли происходить из разрушенного нижнего погребения. Кроме того, при других парных захоронениях целых костяков лошадей на СМ сосуды не обнаружены.

Это, возможно, могло быть население, отчасти синхронное синташтинскому, где практиковались парные захоронения целых костяков лошадей в пространстве могилы или в отдельных ямах. В этом плане представляют интерес парные захоронения лошадей внутри могильных ям на могильнике Бестамак в Северном Казахстане, который С.С. Калиева и В.Н. Логвин определяют как синташтинско-петровский. Известно, что в ямах 1, 22А, 26, 35, 45 найдено по два целых костяка лошадей [Калиева, Логвин, 2009, с. 48–49, 57; Зданович, Куприянова, 2010, с. 139]. В погребении 5 этого могильника – три целых костяка лошадей. В то же время на этом памятнике имеется погребение 20, которое можно сопоставить с материалами СМ. Нижнее погребение с синташтинской керамикой, но без колесничных атрибутов, сильно разрушено. В верхнем ярусе – две пары полных костяков лошадей [Калиева, Логвин, 2012, с. 77–82]. Но материалы могильника Бестамак опубликованы выборочно, поэтому говорить что-либо определенное пока преждевременно.

В то же время не исключено, что материалы СМ отражают результаты столкновения между разными группами синташтинского населения, когда объектом борьбы выступали не только реальные материальные ресурсы (скот, пастбища, металл и т.д.). Захоранивая на чужом кладбище своих лошадей, новое население таким способом, возможно, утверждало свои права на завоеванную территорию, превращая «чужих» предков в «своих».

Вопросов, связанных с характером материалов Синташтинского большого грунтового могильника, гораздо больше, чем ответов. Можно воспринимать погребения СМ как единый в культурном и хронологическом отношении комплекс, где взаимодействовали нескольких культурных традиций, и считать парные захоронения целых костяков лошадей его особенностью. Но можно объяснить эту «особенность» Синташтинского большого грунтового могильника как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторый хронологический разрыв.

Библиографический список

- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск, 2010. Ч. 1.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012». Актобе, 2012.